

Анна
Старобинец

Хроники щепельной ВЕСНЫ

М А Г М А

В Е Д Ь М

РИПОЛ
КЛАССИК

1

Кай взял в руки уголек и попытался сосредоточиться. Младенцы орали — надсадно и непрерывно. Даже если один ненадолго смолкал, захлебнувшись собственным криком, вопли другого становились еще пронзительней, словно он пытался голосить сразу за двоих. Мать качала обоих на руках и тихо напевала какую-то заунывную песню, а может, просто скулила.

Кай нагнулся и нарисовал большой черный круг на каменном полу церкви. Снова сверился с книгой и процертил угольком вертикальную линию, разделяя окружность на две равные половины. Он впервые проводил ритуал (все близнецы за время его службы в Кальдерской церкви рождались мертвыми и не нуждались в обряде), но чувствовал себя довольно уверенно: «Магма ведьм» была снабжена весьма подробной инструкцией, а также наглядными иллюстрациями.

Он взял в руки священный плод и поместил в центр круга. Плод был, конечно, не натуральный — примитивная реплика из обожженной глины с нарочно отколотым с одной стороны кусочком и торчащей из верхушки вязальной спицей, имитирующей плодоножку. Кай сам его изготовил и освятил.

— Положи их в круг, — повелел он женщине. — Одного на левую половину, другого на правую.

— Как мне знать, который из младенцев должен быть слева, а какой справа? — Голос ее дрожал.

— Клади как хочешь, это не важно.

— Мне страшно, святой отец.

— Чего ты боишься, Марья, дочь Инги?

— Я боюсь, что положу малышей неправильно и Господь наш Джи из-за меня их перепутает.

Кай улыбнулся:

— Так не бывает. Господь никого не путает.

Женщина шмыгнула носом и положила орущих младенцев в круг.

После того как мать разместит новорожденных близнецов должным образом, служителю Церкви предлагается спросить об их истинной природе Того, Кто Знает Ответы на Все Вопросы. Спросив, служитель должен взяться за плодоножку пальцами правой руки и придать священному плоду вращение, закрутив его со всей силой, какую даст ему на это благое дело Господь наш Джи. Тот младенец, к которому ближе окажется священная выемка плода, признается зачатым от сатанинского семени и лишенным души, ибо таков ответ Господа. Тот, к которому плод развернется целым и гладким боком, признается наделенным душой и зачатым от семени человеческого, ибо таков ответ Господа.

— О Господь, ответь: в ком дьяволово семя, а в ком человеческое? — перебивая вопли младенцев, спросил Кай, после чего взялся за спицу правой рукой и крутанул священный плод так сильно, как только мог.

Когда глиняное яблоко остановилось и Великий Джи указал на того, в ком проросло семя дьяволово, диакон Кай позволил матери поцеловать дитя на прощание, хотя это было не принято.

2

— Сожгите все платья, которые она сшила. И все рубахи, белье... — епископ Сванур сухо закашлялся, — покрывала... скатерти... все... в костер!

— Вы это уже приказывали, владыка. Все сожжено, как вы и распорядились, три дня назад.

— Я помню, что я приказывал, Чен! По-твоему, я выжил из ума?!

Зря он повысил голос — от этого усилился кашель. Сотрясаясь в приступе, Сванур скрючился на постели. Тут же подоспела служанка Лея, приподняла его голову, сунула под подбородок медный невымытый таз, но приступ в этот раз не перешел в рвоту. Больше нечем. Просто сухие спазмы. Эта тварь, эта бездушная нечисть высосала из него всю влагу, все жизненные соки до капли.

Епископ Сванур отодвинул от себя таз, откинулся на подушки и произнес еле слышно:

— Тело мое немощно, но разум кристально ясен.

— Конечно, владыка. — Староста Чен почтительно склонил голову.

— Ты лично убедился, что никто не приберег ничего из одежды?

— Я приказал обыскать все дома в Чистых Холмах, владыка. Действительно, две женщины тринадцати и пятнадцати лет пытались спрятать свои наряды, но их замысел был раскрыт, а платья конфискованы и брошены в костер.

— Их наказали?

— Я вынес им строгое порицание.

— Только и всего? За сокрытие ведьминого тряпья их следует наказать плеткой!

— Воля ваша, владыка. Плеткой так плеткой. — Староста покорно кивнул, но Свануру показалось, что в узких его глазах мелькнула тень осуждения.

— Ты со мной не согласен, Чен?

— Кто я такой, чтобы вам перечить, владыка Сванур.

Епископ оглядел сутулую фигуру Чена гноящимися глазами. Тот стоял, по своему обыкновению уставившись в пол. Идеальный староста. Когда Чен сомневался в решениях Сванура — а такое никогда не случалось безосновательно, — он не только оставлял сомнения при себе,

но и избегал смотреть владыке в глаза, ибо сказано: не оскорби Хранителя Яблони ни словом, ни взглядом. Извлекать из старости его ценное мнение приходилось с не меньшими усилиями, чем выщипывать каплю чистой воды из глыбы черного льда. Постепенно для таких случаев у них сложился, можно сказать, ритуал.

— Ты всегда служил мне верой и правдой, Чен, — по традиции начал епископ, но от первой же ритуальной фразы почувствовал такую усталость, что сразу перешел к заключительной: — Возрази мне.

— Кто я такой, чтобы возражать епископу? — ответил староста, обращаясь к прикроватному коврику.

Вот упрямый косорылый самолюбивый гордец! Хочет весь обряд целиком...

— Ты служил мне верой и правдой, — сдался епископ. — Ты мой наместник в Чистых Холмах. Ты спокоен и рассудителен. Твоими стараниями моя церковь — самая красивая и величественная на всех островах. Я доверяю тебе как старосте и как другу. Говори со мной смело, ибо сказано Великим Джи, Который Знает Ответы на Все Вопросы: «Враг должен подчиняться беспрекословно, а другу позволяй возражать». Чен из рода Наездников, возрази мне.

Ради этой последней фразы Чену и нужен был ритуал. Ради этого фамильного титула, которым староста на самом деле не обладал. Он родился у безродной матери, а значит, сам был безроден. Его полное имя звучало как Чен, сын Софии; но, когда он родился, сходство его с косоглазым Ваном из рода Наездников, ныне уже покойным, было столь очевидным, что никто из жителей Чистых Холмов не сомневался, что Чен — от него. Да к тому же все знали, что именно Ван придумал ребенку имя — вполне характерное для Наездников. Жена Вана, как и большинство женщин из рода Ледяных Лордов — включая, собственно, и супругу епископа Юлфу, — страдала бесплодием. Кроме Чена косоглазых детишек в деревне не было. В общем, Чен, судя по всему, дово-

дился Вану единственным сыном. И единственным продолжателем рода Наездников. По закону человеческому и божескому епископ был не вправе присвоить Чену родовый титул официально (безродный гражданин мог сделаться знатным, лишь выкупив себе титул у королевской семьи, но золота и дерева на это требовалось столько, что за всю историю Блаженных Островов таких случаев было не больше трех). Однако же Сванур мог — не часто, чтобы не входило в привычку, — просто слегка польстить старосте. Сделать человеку приятное.

— У меня возражение по поводу наказания плеткой, — покраснев от удовольствия, сказал Чен. — Обе женщины из знатных родов. Семьи будут возмущены. И к тому же здоровье обеих весьма пошатнулось из-за ведьминой порчи. Плетка их доконает.

Епископ Сванур поморщился:

— Как эти знатные дуры объяснили свое поведение?

— Обе сказали, что причина их проступка — неземная красота ткани. Им хотелось сберечь наряды небесно-видного цвета.

Сванура замутило, и он прикрыл глаза, чтобы не видеть, как кружатся золотые стены и потолок. Неземная красота... Да, конечно. Даже он, глубокий тридцативосьмилетний старик из рода Хранителей Яблони, он, священнослужитель, автор трактата о порождениях зла, — даже он угодил в ловушку, впал в ересь и заблуждение, не учел, что *неземная* красота не обязательно исходит из рая, а может быть творением ада. Дьявол оказался коварен: через ведьму подсунул жителям деревни небесно-видные одеяния, словно сшитые из лоскутов облачения самого Господа. Гладкий шелк неземного цвета — цвета неба, которое смертные видят лишь в сновидениях. Даже он, епископ, сначала поверил, что ясные небеса его снов, пропитавшие ткань сорочки невозможной, не существующей в природе голубиной, — это божий дар, а не проклятие Сатаны. Даже он. Что уж говорить о молодых знатных дамах.

— Хорошо, без плетки. Но я на восемь недель отлучаю их от Золотой церкви. Пусть ходят в Церковь безродных. — Епископ покосился на служанку, сидевшую на коленях подле его кровати с тазиком наготове. — Туда же, куда и Лея.

— Да, владыка.

Епископ Сванур опять закашлялся — тоненько и трескуче, как будто внутри его хрустел и ломался лед, — и задал вопрос, на который заранее знал ответ. Знал по себе.

— Когда все небесновидные изделия сожгли на костре, стало ли людям в деревне лучше? Кто-нибудь из тех, кто хворал, пошел на поправку?

— Нет, владыка.

— Кому из жителей хуже всех?

— Вам, владыка.

— Прикажи обыскать все дома еще раз. Если порча не уходит, значит, что-то где-то осталось. Что-то еще не сожгли.

— Да, владыка. — Чен уставился в пол.

— Что опять не так?! Говори, Чен из рода Наездников.

— Вы правы, владыка. Что-то еще осталось. И все мы знаем, что именно. Я это знаю, и вы, и даже служанка Лея. Осталась собственно ведьма.

— Раз у меня даже служанка все знает, пусть она тогда скажет, как мне известить бездушную ведьму! — Сванур раздраженно уставился на Лею. — Ну? Что молчишь?

Лея замотала головой и спрятала лицо в вонючем тазу. Вряд ли она вникла в смысл сказанного. Просто поняла, что епископ на нее вдруг разгневался, причем за что-то, связанное с бездушными ведьмами. Значит, она провинилась и будет наказана.

— Вы ее напугали, — с легким укором произнес староста и погладил Лею по колючему затылку. Ее обрили

наголо сегодня с утра, но волосы уже слегка отросли. Волосы у безродных женщин быстро растут.

— Что надо сделать, Лея? — ласково спросил Чен. — Что надо сделать с ведьмой, чтобы ты ее не боялась?

— Надо ее сжечь, — прошептала Лея.

— Видите, владыка. Безродные чуют зло — получше, чем дамы в небесновидных платьях. Велите казнить бездушную Анну — и все в деревне наладится.

— Ты знаешь, что сейчас я не в состоянии это сделать. Как только я стану лучше владеть рукой... как только я смогу удержать в ней священную иконку — я сразу вынесу приговор.

— Воля ваша, владыка, — согласился староста с ковриком на полу.

— Ты снова со мной не согласен.

— Кто я такой, чтобы не соглашаться с епископом.

— Ты служил мне верой и правдой... — простонал епископ и содрогнулся в спазме. Служанка подставила тазик, и он изрыгнул в него скудную порцию желтой пены. Облегчения это не принесло. Лея поднесла к его губам Золотое яблоко, и Сванур к нему приложился, но это тоже не помогло.

Нужно было произнести ритуальные фразы для Чена. Говорить было трудно, но Сванур знал: Чен не выносил, когда нарушался привычный для него ход вещей. Потому он и был таким замечательным старостой. Потому у них в Чистых Холмах все эти годы царил идеальный порядок. Пока Анна не скормила дьяволу свою душу.

— ...Ты мой наместник... в Чистых... Холмах...

— Не надо, владыка. Я вижу, вам тяжело.

Староста Чен взглянул на онемевшие руки Сванура. Тот пытался поднести их к лицу, но руки не подчинялись: бессильно раскачивались и подергивались, как сухие ветки яблони на ветру.

Лея обмакнула тряпку в воду, смешанную с муравьей кислотой, чтобы протереть епископу рот и бороду,

но тот отвернулся. В последние дни Сванур отказывался от умывания, исходя из того, что ведьма заразила холерой и без того не слишком чистую воду. В результате он выглядел неухоженным и запущенным, как какой-то безродный нищий, хотя Лея честно о нем заботилась, а в опочивальне его стояла такая вонь, что даже жена епископа, Юлфа, перестала туда заходить.

— Я скажу все, что думаю, без церемоний. — Староста взглянул в глаза Свануру. — А вы уж не обижайтесь. Мне, владыка, больно смотреть, что она сотворила с вами. Умоляю, распорядитесь, чтобы ее казнили. Просто так, без всякой иконки. Как обычную воровку или убийцу. Все вас поймут, владыка.

— Бог меня не поймет! — тоскливо отозвался епископ. — Я же сам описал процедуру для случаев колдовства. Как гласит «Магма ведьм, уничтожающая... бездушную...» — Он закашлялся, не в силах произнести полное название собственного трактата.

Верный Чен договорил за него:

— «Магма ведьм, уничтожающая бездушную нечисть и греховные ереси подобно кипящему пламени». Да, я знаю, владыка. Там говорится, что церковнослужитель, стоя у алтаря, должен взять святую иконку в правую руку и темной стороной указать на ведьму. Тогда ведьма считается приговоренной к казни в огне.

— Видишь? Анну невозможно приговорить, пока рука мне не подчиняется, — отдышавшись, сказал епископ.

— Это заколдованный круг, владыка. Чтобы ее сожгли, вы должны вынести приговор. Чтобы вынести приговор, вы должны почувствовать себя лучше. Но пока вы не вынесли приговор, ее не сожгут. А пока ее не сожгут, вам не станет лучше, владыка! Ведь вы ее главный враг! Вы — Хранитель Священной Яблони, за это она терзает вас больше, чем остальных! Вы свято чтите закон человеческий и божий, а бездушная этим пользуется! И мучает, и унижает вас изоощренно!